

# I.

## АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

ПОСВЯЩЕНО Н. Н. Р.

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois  
S'éveillait. . .

Межь шѣмъ, какъ изумленный міръ  
На урну Байрона зриаешь,  
И хору Европейскихъ лиръ  
Близъ Данше шѣнь его внимаешь,

Зовешь мсня другая шѣнь,  
Давно безъ пѣсень, безъ рыданій  
Съ кровавой плахи въ дни спраданій  
Сошедшая въ могильну сѣнь.

Пѣвцу любви, дубравъ и мира,  
 Пѣвцу возвышенной мечпы  
 Звучишь незнаемая лира.  
 Пою. Мнѣ внемлеть онъ и ты.



Подьялась вновь усшалаая сѣкира  
 И жертву новую зовешъ.  
 Пѣвецъ гошовъ; задумчивая лира  
 Въ послѣдній разъ ему поешъ <sup>1</sup>.

Заушра казнь, привычный пиръ народу;  
 Но лира юнаго пѣвца  
 О чемъ поешъ? Поешъ она свободу:  
 Не измѣнилась до конца!

“ . . . . .  
 . . . . .  
 . . . . .  
 . . . . .

. . . Не узрю васъ, дни славы, дни блаженства :

Я плахъ обречень. Послѣдніе часы

Влачу. Заушра казнь. Торжественной рукою

Палачъ мою главу подыметъ за власы

Надъ равнодушною шлюпою.

Простите, о друзья! Мой безпріюшный прахъ

Не будешь почивашъ въ саду, гдѣ провождали

Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ,

И мѣсто нашихъ урнъ заранѣ назначали.

Но, други, если обо мнѣ

Священно вамъ воспоминанье ;

Исполните мое послѣднее желанье :

Оплачьте, милые, мой жребій въ пишинѣ ;

Спрашишесь возбудишь слезами подозрѣнье ;

Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы преспуленье :

О братъ сожалѣшь не смѣешь нынѣ братъ.

Еще жъ одна мольба : вы слушали спокрашъ

Спихи, лепучихъ думъ небрежныхъ созданья,

Разнообразныя, завѣщныя преданья

Всей младости моей. Надежды, и мечты,

И слезы, и любовь, друзья, сіи листы  
Всю жизнь мою храняшь. У Авеля, у Фанни <sup>2</sup>,  
Молю, найдите ихъ; невинной музы дани  
Сберише. Спрогій свѣшь, надменная молва  
Не будушь вѣдашь ихъ. Увы, моя глава  
Безвременно падешъ: мой незрѣлый геній  
Для славы не свершилъ возвышенныхъ швореній;  
Я скоро весь умру. Но, пѣнь мою любя,  
Хранише рукопись, о други, для себя!  
Когда гроза пройдетъ; полною суевѣрной  
Сбирайшесь иногда чипашъ мой свилокъ вѣрной,  
И, долго слушая, скажише: эшо онъ;  
Вошь рѣчь его. А я, забывъ могильный сонъ,  
Взойду невидимо и сяду между вами,  
И самъ заслушаюсь, и вашими слезами  
Упыюсь... и, можешъ бышь, ушѣшенъ буду я  
Любовью; можешъ бышь, и Узница моя <sup>3</sup>,  
Уныла и блѣдна, спихамъ любви внимаю...»

Но, пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая,  
 Младый пѣвецъ поникъ задумчивой главой.  
 Пора весны его съ любовію, шоской  
 Промчалась передъ нимъ. Красавицъ помны очи,  
 И пѣсни, и пиры, и пламенные ночи,  
 Все вмѣстѣ ожило; и сердце понеслось  
 Далече... и стиховъ журчанье излилось:

« Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?  
 Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,  
 Зачѣмъ я покидалъ безвѣспной жизни шѣнь,  
 Свободу, и друзей, и сладоспную лѣнь?  
 Судьба лелѣяла мою злешую младоспъ;  
 Безпечную рукой меня вѣнчала радоспъ,  
 И муза чистая дѣлила мой досугъ.  
 На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ,  
 Я сладко оглашалъ и смѣхомъ и стихами  
 Сѣнь, охраненную домашними богами.  
 Когда жъ, Вакхической шревогой упомясь  
 И новымъ пламенемъ незапно воспалась,

Я ушромъ наконецъ являлся къ милой дѣвѣ  
И находилъ ее въ смященіи и гнѣвѣ;  
Когда, съ угрозами, и слезы на глазахъ,  
Мой проклиная вѣкъ, ушраченный въ пирахъ,  
Она меня гнала, бранила и прощала:  
Какъ сладко жизнь моя лилась и ушекала!  
Зачѣмъ опть жизни сей, лѣнливой и проспой,  
Я кинулся шуда, гдѣ ужась роковой,  
Гдѣ спрасши дикія, гдѣ буйные невѣжды,  
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,  
Вы завлекли меня! Чшо дѣлашь было мнѣ,  
Мнѣ, вѣрному любви, спихамъ и пишинѣ,  
На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами!  
Мнѣ ль было управляшь спрошпивыми конями  
И крушо напрягать безсильныя бразды?  
И чшо жъ осшавлю я? Забышыя слѣды  
Безумной ревности и дерзосши ничшожной.  
Погибни, голось мой, и шы, о призракъ ложной,  
Ты, слово, звукъ пустой...

« О нѣшь!

Умолкни, ропощь малодушной!

Гордись и радуйся, поэшь:

Ты не поникъ главой послушной

Передь позоромъ нашихъ лѣшь;

Ты презрѣль мощнаго злодѣя;

Твой свѣшочь, грозно пламенѣя,

Жеспокимъ блескомъ озариль

Совѣшь правителей безславныхъ 4;

Твой бичь наспигнулъ ихъ, казнилъ

. . . . .

Твой спихъ свиспаль по ихъ главамъ;

Ты зваль на нихъ, шы славиль Немезиду;

Ты пѣль Марашовымъ жрецамъ

Кинжалъ и дѣву-эвмениду!

Когда свяшый шарикъ опть плахи опсрываль

Вѣнчанную главу рукой оцѣпенѣлой:

Ты смѣло имъ обоимъ руку даль,

И передь вами шрепешаль

Ареопагъ остпервенѣлой.

Гордись, гордись, пѣвецъ; а ты, свирѣпый звѣрь,

Моей главою играй шеперь:

Она въ своихъ когтяхъ. Но слушай, знай, безбожный:

Мой крикъ, мой ярый смѣхъ преслѣдуешь себя!

Пей нашу кровь, живи, губя:

Ты все пигмей, пигмей ничтожный.

И часъ придетъ... и онъ ужъ недалёкъ:

Падешь, пирань! Негодованье

Воспрянешъ наконецъ. Опечесшва рыданье

Разбудишь ушомленный рокъ.

Теперь иду... пора... но ты спунай за мною;

Я жду тебя.»

Такъ пѣлъ воспорженный поэтъ.

И все покоилось. Лампады тихій свѣтъ

Блѣднѣлъ предъ ушренной зарёю,

И утро вѣяло въ темницу. И поэтъ

Къ рѣшеткѣ поднялъ важны взоры...

Вдругъ шумъ. Пришли, зовущъ. Они! Надежды нѣтъ!

Звучашъ ключи, замки, запоры.



Зовушь... Поспой, поспой; день шолько, день одинъ:

И казней нѣшь, и всѣмъ свобода,

И живъ великій гражданинъ

Среди великаго народа 5.

Не слышашъ. Шествиѣ безмолвно. Ждешъ палачъ.

Но дружба смертный пушь поэта очаруешъ 6.

Вошь плаха. Онъ взошелъ. Онъ славу именуешъ 7...

Плачь, муза, плачь!...